

Каждый день я проезжал мимо этих начертанных от руки ярко-желтых знаков, равномерно марширующих по обочине дороги, и каждый день сворачивал на пыльную дорогу, чтобы добраться до дома тети Берди раньше, чем до самого товара.

Дверь скрипела на ржавых неиспользованных петлях, и пыль плясала на солнечных лучах, проникающих в окна. Я пробыла там уже неделю, разбирая имущество тети Берди, и у меня было всего несколько коробок, сложенных у двери. Это оказалось гораздо труднее, чем я себе представляла. Ей было восемьдесят шесть лет, когда она умерла несколько месяцев назад. Будучи единственным ребенком, я была ее единственной оставшейся в живых родственницей. Я по глупости откладывал это до середины лета в Джорджии, когда стояла знойная летняя влажность и жестокая жара.

Мой первый брак был коротким и не очень сладким. Мне было пятьдесят четыре года, у меня была отличная работа, на которой я мог работать из любого места. Это позволяло путешествовать, так что я мог работать и делать то, что нужно было делать здесь, не отчитываясь ни перед кем.

Тетя Берди была коллекционером книг, некоторые из которых были ценными, и все они должны были быть рассортированы и выставлены на продажу соответствующим образом. То, что местные жители называют "в двух шагах от линии Джорджия-Флорида", в самой глуши, затрудняет доставку. Сорок пять минут до магазина почтовой службы означали, что я подготовлю столько коробок, сколько смогу взять за один раз.

Я потратил несколько часов, заполняя две коробки, и еще одну - для бережливости. С этим достижением я посчитал, что на сегодня с меня хватит. Я закрылся и поехал обратно по песчаной дороге с колеями. Но вместо того, чтобы повернуть налево, чтобы вернуться в мотель, я повернул направо, желая узнать, что такое вареный арахис.

Я остановился перед открытым сараем из обветренного дерева с ржавой крышей. На наклонных полках спереди стояли корзины с ярко-красными помидорами, румяными персиками, банки, сверкающие разными цветами джемов и желе. На другой полке стояли мешки с орехами pekan и арахисом, а также банки с теплым золотистым медом. Все это было очень ярко и художественно представлено на фоне серого дерева.

Из радиоприемника доносилась трескливая мелодия Вилли Нельсона. На нижней полке стояли нежные ноги, длинные, испачканные красной глиной Джорджии. Мой взгляд проследил за самыми длинными ногами, которые я когда-либо видел, и поднялся к пальцам, зашнурованным через джинсовые шорты, которые привлекали внимание к ее голой груди. Дальше - зеленая камуфляжная рубашка, затянутая под ее упитанным бюстом, который очень сильно контрастировал с ее длинными рыжими косами и веснушками на трех носках. Но лицо у нее было как у молочницы с фермы, и мой член одобрительно закивал.

"Ты просто проходишь мимо?" Ярко-голубые глаза оглядели меня, когда она встала за полками.

"Да, но нет". Черт, подумал я. "Я здесь ненадолго, чтобы продать дом моей тети".

"Вы, должно быть, имеете в виду нашу Бёрди", - сказала она, ее взгляд замешкался на явной выпуклости, дающей о себе знать через прохладные хлопковые шорты из Флориды.

"Да. Вы знали ее тогда?"

"Она-она, здесь все знают всех, знаете ли", - сказала она своим мягким южным голосом.

"Я заметил, да", - сказал я, смеясь. "Я остановился, чтобы спросить о вареном арахисе?"

Я отошел в сторону, когда подъехала машина и купила несколько свежих персиков и окры, а также пару банок маринованных огурцов.

"То есть вы никогда раньше не ели вареный арахис?" - недоверчиво спросила она, южный говор поднялся на пару визгливых октав. "Мы выросли на них на юге!" Пар поднимался и поднимался, когда она открыла крышку огромной кастрюли. Когда я заглянула в пенопластовую чашку с тем, что, по сути, было мокрым арахисом, запах был землистым. "Если вам нравятся острые, я дам вам несколько штук на пробу".

Они выглядели кашеобразными, но вовсе не были таковыми. Они были довольно твердыми и солеными. Я съел еще несколько. Они мне понравились. Еще несколько. Она взяла чашку и протянула мне еще одну. Этот был пряный, с земляным ароматом, и: "Я люблю их!" сказал я, и она явно была в восторге.

"Ты либо любишь их, либо ненавидишь. Я каждую неделю отвозила пакет для Бёрди", - сказала она с грустным видом. "Мне будет ее не хватать. Я продала ее варенье здесь". Она указала на банки. "Это ее. Она отдала их мне около месяца назад".

"Она была с характером", - сказала я, вспоминая. "Я проводила здесь летние каникулы. Было так жарко, что обжигало ноги, но этот источник на ее участке. Всегда подвижный и прохладный". Я улыбнулась, вспоминая. "Я проводила там время каждый день, плескалась. Вода была достаточно прозрачной, чтобы пить. Представляете, она и сейчас такая".

Она улыбалась, ее глаза были влажными. "Ше-ит, я полагаю, мы достаточно общались, чтобы обменяться именами?" Я кивнул, пряча улыбку от ее ругательств. "Я Джорджия", - сказала она, протягивая руку.

Я рассмеялся и сказал: "Это подходит, поскольку мы находимся в двух шагах от Джорджии!"

"Моя мама назвала меня так, чтобы помнить, когда я была зачата".

Я начал смеяться, но потом понял, что она не шутит, и просто кивнул. "Я Брэд. Брэдли. То есть Брэд". Этот рыжий сорванец вывел меня из равновесия.

"Приятно познакомиться, Брэд Брэдли Брэд. Здесь у нас может быть Билли Боб, но обычно не три имени". Она усмехнулась.

"Выбирай любое, которое тебе нравится", - сказал я, смеясь. С ней было легко разговаривать и комфортно находиться рядом.

"У вас много дел в Birdie's?" - спросила она. Я рассказал ей о проекте усадьбы в перерывах между постоянным потоком клиентов. "Если вам когда-нибудь понадобится помощь, дайте мне знать. Обычно я раскупаю все в середине дня и заканчиваю до раннего сбора продуктов на следующее утро".

Конечно, я снова посмотрела на полки, и ее товаров осталось совсем немного. "Не стесняйтесь, приходите в любое время. Я бываю в доме каждый день". Она улыбнулась и кивнула. "О... только если вы принесете вареный арахис", - сказал я, смеясь.

Я зашел в закусочную, взял бургер и картофель фри на вынос и вернулся в мотель. Он был затерян во времени, но тщательно убран. Пожилая пара владела им всю свою супружескую жизнь, очень гордилась им, и это было видно.

Я включил телевизор - большую старую трубку на кроличьих ушах, которая показывала снежные картинки на всех каналах. На всех трех. Я просто слушал, но сегодня я не мог выбросить из головы образ и сладкий певучий голос Джорджии. Я был слишком стар для нее, но мужчина может мечтать. И фантазировать.

Я думал о ее полных розово-красных губах и о том, какое декольте позволяет зеленая камуфляжная блузка. Не успел я опомниться, как мой член был уже в руках и сильно кончал от провокационных образов обнаженной Джорджии.

На следующее утро в закусочной я ел свою обычную крупу, яйца и кофе. Поскольку я был здесь уже неделю, я стал завсегдатаем, и когда я вошел, она уже передала мой заказ на кухню, и к тому времени, как я сел за стол, на столе стояла кружка крепкого кофе. Бесси не любила болтать, а я не любил ничего по утрам. Кроме кофе. Который она постоянно наливала.

Я проснулся с мыслями о Джорджии и думал о Рэе Чарльзе, хотя он был до моего времени, и я не знал, говорил ли он о женщине или о штате. Когда я ехал по невидимой границе Джорджии и Флориды, чтобы добраться до тети Бердис, я подумал о том, чтобы сначала заехать к ней в магазин, но передумал.

Я упаковал в коробки больше книг для отправки, больше для магазина, и последние джемы Берди. По дороге в мотель я решил заглянуть в киоск, но он был заколочен, а сама она уехала на весь день. Меня удивило разочарование, которое я испытал. Брэд, старина, ты слишком долго пробыл в изоляции в этом городе.

Я сделал несколько звонков домой друзьям и родственникам и почувствовал себя более

самостоятельным. Я сказал семье, что работаю над домом Берди, но это займет больше времени, чем я думал. Я не знал, почему их это волнует, ведь они не вступали в наследство, но люди могут мечтать, я думаю. Они не обращали на нее внимания до самой ее смерти, как верно заметила Джорджия.

На следующее утро я проснулся под проливным дождем. Я не хотел бежать через этот ливень к завтраку и решил, что выйду пораньше и пообедаю.

Я трясся и скользил по грязной дороге, которая была такой же опасной, как и дорога по льду. Я подъехал как можно ближе к дому и побежал под дождем вверх по ступенькам, чтобы укрыться от проливного дождя.

"Ты забыла свою умбру-эллу". начал я и поднял глаза, чтобы увидеть Джорджию, сидящую на качелях на крыльце.

"Я даже не думаю, что это поможет при таком ливне", - сказал я, отряхивая куртку и вешая ее на спинку старого кресла-качалки. "Да и для бизнеса не слишком хорошо, я думаю".

"Она-ит, эти трусишки хотят, чтобы я доставил его к их машинам. Черт, если я собираюсь это сделать..."

Я не мог больше сдерживаться и рассмеялся над ее ругательствами и красочными выражениями. Я сидел с ней на качелях и наслаждался дождем, который хлестал по металлической крыше.

"Ты когда-нибудь спала под металлической крышей под таким дождем?"

"Нет, не могу сказать, что спала, но, наверное, это расслабляет".

"Ага." Она скрестила свои длинные ноги в коленях, а я продолжал раскачиваться. "У Берди есть спальня на чердаке, и я любила лежать там и слушать дождь".

"О, ты часто оставалась с ней?"

"Иногда". Ее резкий ответ не пригласил к продолжению.

Она указала на большую корзину для пикника и сумку у двери, которую я не заметила: "Я принесла вам еду. И спасибо за варенье. Я подумала, что это последнее". Я кивнула.

"Продукты?"

"Да." Она показала на подъездную дорожку, которая была морем воды там, где я только что проехал. "Я знала, что вы не поймете, что здесь все затоплено, и приедете. Ты пробудешь здесь некоторое время, Брэд Брэдли Брэд. Это настоящий овраг".

"Да, я вижу". вздохнул я. "Но благодаря тебе я буду есть".

К счастью, у меня не было отключено электричество, и когда на улице стало темнеть, в доме тоже стало темнеть. Я занесла продукты, и мы уложили охлажденные вещи в старый холодильник Frigidaire, который можно было бы использовать в рекламе за его долговечность.

Она вызвалась помочь с книгами, и некоторое время мы так и делали, но даже с лампами, которые мы собрали по всему дому, все равно было слишком темно, чтобы видеть.

"Эй, не хочешь пойти послушать дождь?". Я кивнул, и она почти бегом поднялась по двум ступеням.

Чердак был удивительно большим, а большие окна в каждом конце давали приятный рассеянный свет. В центре стояла большая старая медная кровать, заваленная одеялами. От изголовья исходило мягкое теплое сияние. Она подбежала к одному из старых сундуков, встала перед ним на колени и открыла его. Провела пальцем по теплomu дереву комода - оно было удивительно чистым от пыли. Сверху он был загроможден бутылочками из граненого стекла и баночками с женскими туалетными принадлежностями тех времен. Я взяла одну из них, чтобы понюхать. Отличительный запах ландыша.

<http://erolate.com/book/2667/62780>